

УДК 94(479.25) + 94(56) + 94(450.341) + 94(62) + 929.52 Хетумиды + 82-94

Д. В. Возчиков

«В ЗУБАХ ЧЕТЫРЕХ ЗВЕРЕЙ»: ОБРАЗ КИЛИКИЙСКОЙ АРМЕНИИ В ТРУДАХ ВЕНЕЦИАНСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ XIV–XV ВЕКОВ

Аннотация: В данной статье рассматривается образ Киликийской Армении, конструируемый в венецианском позднесредневековом нарративе. Особое внимание уделяется трактату «Книга тайн верных креста» сановника и дипломата Марино Санудо Торселло (Торчелло, ок. 1270–1343), видевшего в Армении не только важного торгового партнера Республики, но и военного союзника на Ближнем Востоке в предполагаемом новом крестовом походе против империи мамлюков Египта и Сирии. Хорошо информированный о делах в последнем независимом средневековом армянском государстве и регулярно посещавший его Марино Санудо рассматривал Киликийскую Армению, в первую очередь, как важного и надежного транзитера на торговых путях, связующих Ближний Восток и Индию с Европой. Описывая геополитическое положение современного ему армянского царства, Марино Санудо обратился к излюбленному в средневековой словесности анималистическому коду, изобразив маленькую Армению терзаемой четырьмя могущественными соседями – Львом (ильханами), Барсом (мамлюками), Волком (турецкими бейликами Малой Азии) и Змеей (пиратами). Санудо, подчеркивавший вассальный статус Киликии по отношению к иранским Хулагуидам, вероятно, понимал всю уязвимость этого государства. Санудо строил ряд сюжетов своего трактата на данных армянского принца Хетума, подвизавшегося при папской курии, и именно через него в «Книгу тайн верных креста» проник ряд сюжетов армянского нарратива, в том числе рассказ о договоре царя Хетума с ханом Мункэ. В более поздних венецианских хрониках, в частности, в анонимной «Хронике Энрико Дандоло», в хрониках Лоренцо де Моначи и Антонио Морозини, Армения уже не занимала столь существенного места, как в тексте Санудо и фигурировала, главным образом, как объект конкуренции Венеции и Генуи и мамлюкского завоевания. После значительных перемен в торговле Восточного Средиземноморья в середине XIV в., связанных с окончательным распадом *Rex Mongolica*, Армения, которая была в итоге покорена мамлюками в 1375 г., уже не представляла былого интереса и для венецианской восточной торговли и для венецианского нарратива.

Ключевые слова: Венецианская республика, история Армении, Киликийская Армения, Малая Азия, Хетумиды, мамлюкский султанат.

Dmitry V. Vozchikov

“IN THE JAWS OF FOUR BEASTS”: THE IMAGE OF THE CILICIAN KINGDOM OF ARMENIA IN THE WORKS OF THE VENETIAN INTELLECTUALS (14TH-15TH CENTURIES)

Abstract: This paper observes the image of the Cilician Armenia constructed in the late medieval Venetian narrative. Special emphasis is given to the treatise “The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross” written by a Venetian statesman and diplomat Marino Sanudo Torsello

(Torcello, ca. 1270–1343), who considered Armenia not only as an important commercial partner, but also as a military ally in the Near East during the proposed new crusade against the Mamluk Empire of Egypt and Syria. Marino Sanudo, who had regularly been to the Armenian Kingdom and had been well informed about its policy and condition, considered this state mainly as an important and reliable transitory on the trade routes, that linked the Near East and India with Europe. Sanudo described the geopolitical situation of Armenia using the animalistic code, which was favored by the medieval intellectuals: four mighty beasts, symbolizing four neighbors of Armenia (“Lion” – the Ilkhanate, “Leopard” – the Mamluk Sultanate, “Wolf” – the Anatolian beyliks, “Serpent” – the pirates), encircled the small Christian kingdom. Sanudo underlined the status of Armenia as a vassal of the Iranian Ilkhanate and was aware of its vulnerability. Some of Sanudo’s passages were influenced by prince Hethum, which was a prominent historian on service of the papal court, for example, the description of the treaty between the Armenian king Hethum and Mongke Khan. The Venetian chronicles of the later periods payed much less attention to the Armenian Kingdom than Sanudo. In such narratives as anonymous “Chronicle of Enrico Dandolo”, Lorenzo de Monaci’s and Antonio Morosini’s chronicles, Armenia was presented mainly as an object of a rivalry between Venice and Genoa and of the Mamluk conquest. After the significant changes of the East Mediterranean trade in the middle of 14th century, related to the final collapse of the Pax Mongolica, the Armenian Kingdom was not as important as it had been earlier both for the Venetian trade and for the Venetian narrative.

Key words: Republic of Venice, History of Armenia, Cilician Armenia, Asia Minor, Hethumids, Mamluk Sultanate

«По правде сказать, так все пряности и все ткани с Евфрата привозятся в этот город, все дорогие товары и товары из Венеции, Генуи свозятся сюда и здесь покупаются» [6, с. 35], – рассказывал об Айясе (Лаяццо), главном портовом городе этого последнего средневекового армянского царства, венецианский купец Марко Поло. Тот же венецианец давал более нелицеприятную картину Киликийской Армении, отметив, что в старину местная знать была храбра и воинственна, а ныне погрязла в пьянстве [6, 35]. Марко Поло также говорил об ужасе, наводимом на эту землю войсками мамлюкского «вавилонского» султана Бейбарса (аз-Захир Рукн ад-Дин Бейбарс аль-Бундукдари, 1260–1277) [6, с. 28]. В данном случае обрывочные описания скорее сводятся к идее непостоянства, уязвимости и брэнности мира, ведь Киликийская Армения в последнее столетие своего существования представляла для современников достаточно наглядную иллюстрацию этой идеи.

Дипломат, сановник и историк Венецианской республики Марино Санудо Торселло (ок. 1270–1343), автор проекта крестового похода против мамлюков, изложенного в трактате «Книга тайн верных креста» (1307–1321) [29], основывал амбициозный план создания *Rax Veneziana* за ширмой всехристианского крестового похода против Египта на солидной информационной базе о торговле и географии всего Ближнего Востока.

Санудо, не раз бывавший в Киликийской Армении [28, с. 9], отводил армянскому государству роль одного из ключевых союзников Венеции и папы на Востоке в предполагаемом крестовом походе. Ситуация внутри элиты державы Хетумидов во второй половине XIII–XIV вв. в общих чертах напоминала борьбу пролатински и антилатински настроенных сановников в Византии того же периода. Как и в Константинополе, в Армении вопрос о военном союзе с государями Запада упирался в проблему унии с Римом. Санудо адресовал свой проект не только папе, но и французскому королю Филиппу V Длинному (1316–1322). Последнему Санудо

Торселло направил письмо на французском языке с картами и кратким изложением своего плана, обещая, что, если экспедиция достигнет цели, Филипп сможет получить «мировое господство» (*Seigneurie du monde*), причем стать более славным завоевателем, чем сам Александр Македонский, ведь тот, покорив весь известный мир, так и не смог достичь рая [29, с. 5]. В этом послании венецианец уделил особо пристальное внимание стратегическому значению Армении для будущей всехристианской экспедиции: «Если ныне не хватит числа людей для столь великого предприятия, то, по крайней мере, нужно снарядить десять галер, хорошо вооруженных и с 250 воинами на каждой, для охраны моря, а 300 всадников и 1000 пеших воинов благородного происхождения послать для защиты земли Армении. Ибо, если эта земля будет потеряна, это обернется великой утратой и великим позором для всего христианского мира» [29, с. 5]. Известно, что в 1319 г. Филипп V предпринял *passagium particulare*, или *primum passagium* («предварительный крестовый поход»), – морскую экспедицию на помощь Киликийской Армении и для контроля за соблюдением санкций против портов Сирии и Египта. Однако цели французский флот так и не достиг и, оказавшись вовлеченным в дело защиты интересов папы Иоанна XXII в Италии, был уничтожен в сражении неподалеку от Генуи [26, с. 868].

Марино Санудо представил в «Книге тайн верных креста» описание побережья Армении с указанием расстояний, разделяющих значимые торговые центры царства: Айяс, Мальмистру (Мамистру), Тарс, Мало и другие [29, с. 88–89]. От важнейшего порта Киликийской Армении Айяс (*Aiacium/Laiacium*), как сообщал венецианец, всего десять миль отделяли гавань *Portus Pallorum* [29, с. 88], по другим источникам известный как Портелла [13, с. 25] и впервые упоминаемый только в 1274 г. под именем *Portus Palium* [22, с. 383]. Марино Санудо в общем обзоре военно-морской тактики под мартом 1293 г. упомянул морские бои под Айясом в период венецианско-генуэзской войны, причем, несмотря на свое деятельное участие в конструировании венецианского мифа, он вполне беспристрастно рассматривал причины поражения более крупных венецианских галер от генуэзских судов [29, с. 83]. И поражение венецианского флота при Курцоле, и захват многих новых галер генуэзцами под Айясом Санудо объяснял ошибками в боевом порядке судов [29, с. 83]. В этой сцене Армения практически лишена какого-либо собственного голоса: она здесь скорее яблоко раздора между игроками или арена для значимых в ходе генуэзско-венецианского противостояния событий.

Первый царь Киликийской Армении Левон II (1187–1219, царь с 1198 г.) в хрисовуле конца 1201 г. предоставил венецианским купцам, а позже и другим латинянам, свободу передвижения по территории царства, ряд гарантий и привилегий, которые впоследствии не раз подтверждались в Киликии [12, с. 10]. «Да будут тела, вещи и товары венецианцев в сохранности и безопасности от любого человека, который находится и будет находиться под моей властью и под моим господством» [24, с. 110], – провозглашал Левон. До этого в условиях политической дисперсности Киликии венецианцам, очевидно, приходилось иметь дело с отдельными многочисленными армянскими властителями, что создавало ощутимые препятствия для проникновения купцов Республики в регион [12, с. 11]. Упоминание

о венецианском байло в Армении, в чьи функции входило обеспечение торговых интересов Республики в условиях серьезной конкуренции со стороны генуэзцев, пизанцев, каталонцев, купцов буквально со всей Европы, встречается уже в 1274 г [13, с. 32]. В первой половине XIV в. цари Левон IV, Ошин, Левон V и другие вновь и вновь подтверждали привилегии венецианских граждан в своем государстве [21, с. 75, 178–180], причем льготы даже ближайших конкурентов – генуэзцев – не выдерживали сравнения с венецианскими [12, 18].

Санудо со знанием дела описал папе торговые преимущества Киликии, подчеркивая взаимные выгоды торговли между армянами и Западом, которые возрастут с осуществлением проекта венецианца: «И земля Армении, производящая хлопок в огромном количестве, будет обладать куда большей ценностью [чем торговые связи с султаном Египта – Д. В.]; индийские же пряности и прочий товар через сельскую округу и город Бальдак [Багдад, подконтрольный Хулагуидам, – Д. В.] перейдут в Армению и в наше море. Эти пути позволят христианам Армении получить достаточную выгоду, благодаря которой их царство сможет сокрушить врагов церкви, сарацин» [29, с. 33]. Санудо рассматривал Киликийскую Армению, в первую очередь, как важного транзитера индийских товаров в обход владений египетских мамлюков. В справочнике флорентийского купца Франческо Бальдуччи Пеголотти «Практика торговли» хлопок также упоминался в числе важнейших товаров, которыми купец мог обзавестись в Армении, наряду с перцем, сахаром, имбирем, благовониями, лаком [27, с. 60]. Венецианские и генуэзские купцы в период правления Хулагуидов в Иране именно через Армению вели оживленную транзитную торговлю с Тебризом и Султанайей [8, с. 195].

Описывая тяжкое геополитическое положение современного ему армянского царства, Марино Санудо обратился к излюбленному в средневековой словесности анималистическому коду: «Вашему благочестивейшему милосердию также следует обратить взор к царству Ваших верных армян, что лежит в зубах четырех диких и свирепых зверей. В одной стране, находящейся ниже земли [армянской – Д. В.], находится Лев. Это, разумеется, татары, коим царь Армении платит огромную дань. С другой стороны обитает Барс, а именно – султан, день за днем терзающий христиан и [Армянское – Д. В.] царство. В третьей части живет Волк – турки, разрушающие владение и царство. Четвертую часть населяет Змея. Это – корсары (Cursarios) нашего моря, что день ото дня глодают кости христиан Армении» [29, с. 32].

Если отождествление размножившихся вслед за развалом Румского султаната турецких бейликов с волком выглядит достаточно органично, учитывая огромную символическую роль волка в тюркской культуре, идентификация египетского султана с леопардом – продукт одновременно европейского анималистического воображения и эмблематики самой мамлюкской державы. Эмблемой султана Бейбарса был шагающий лев или иной крупный хищник из семейства кошачьих с поднятой передней лапой [16, с. 107]. Эмблема была широко растиражирована на постройках султана (ныне сохранилось свыше восьмидесяти изображений от Египта до Турции [14, с. 373]) и его монетах.

На парном изображении, украшающем мост, построенный Бейбарсом в 1273 г. в Лидде (современный г. Лод, Израиль), лапа хищника занесена над крысой или

мышью, символизировавшей, очевидно, врагов султаната. Согласно трактовке крупного французского востоковеда и археолога Шарля Клермон-Ганно (1846–1923), грызун (крыса, белка или даже тушканчик?) под лапой хищника, возможно, воплощает арабскую игру слов «kuffāg» («неверные») и «fāg» («крыса»), причем также вероятно, что поза крысы на рельефе буквально пародирует вздыбленного льва (рампана) на гербе Лузиньянов, сохранявших за собой, помимо Кипрского королевства, статус титулярных королей Иерусалима [18, с. 113]. Армянский царь Левон II женился вторым браком на Сибилле Лузиньян, дочери короля Кипра Амори, и назначил своей наследницей Забел, дочь от брака с Сибиллой [4, с. 214; 9, с. 166], и с этого момента Лузиньяны поддерживали значительные династические связи с армянскими монархами – и Рубенидами, и Хетумидами. В 1310 г. после убийства регента Кипрского королевства Амори, женатого на армянской принцессе Изабелле, его дети, лишившись всяких прав на трон, бежали в Армению, где положили начало новой, армянской ветви династии Лузиньянов [1, с. 100], а позже, после пресечения дома Хетумидов со смертью Левона V в 1342 г., эта ветвь утвердилась на троне Киликийской Армении, став последней правящей династией этого государства. Если принять широко известное, остроумное, хотя и не до конца доказуемое на сегодняшний день толкование рельефной сцены с Бейбарсова моста в Лидде у Ш. Клермон-Ганно, можно предположить, что подобного рода парная «монументальная карикатура» изображала и Лузиньянов Кипра, и породнившихся с ними правителей Армении.

В летописи, приписываемой одаренному армянскому сановнику и военачальнику Смбату Спарпету (1208–1276), Бейбрасу – грозному врагу армянских царей – уделено достаточно внимания, причем армянский хронист не упустил случая подчеркнуть его «нецарственное» происхождение: «Султан был всего лишь рабом, сыном подлого раба» [17, с. 116–117]. Смбат нередко прибегал к наглядному и символически емкому анималистическому языку. Смбат, рассказав, как византийский император Мануил Комнин (1143–1180) отменил большой поход на Алеппо против Нур ад-Дина, заметил: «Итак, Мануил, сей мужественный император греков, придя, как могучий орел, вернулся же, как жалкий лис» [17, с. 48]. Хулагу же, узнав о разгроме монгольской армии мамлюками при Айн-Джалуте в 1260 г., «зарычал, как лев» [17, 107].

Европейская средневековая словесность достаточно прочно привязала образ леопарда к владыкам мусульманского Востока. По словам М. Пастуро, в европейской эмблематике с рубежа XI–XII вв. леопард возник как «плохой лев»: воплощение негативных качеств, ранее приписываемых льву, отныне обретшему ярко выраженную христологическую трактовку [10, с. 57]. Шагающий лев с мордой анфас, т. е. именно такой, какой был представлен на рельефах и монетах Бейбарса, в западной геральдике – это именно леопард. Учитывая, что портрет Хулагуидов Ирана в книге Марино Санудо не столь отрицателен, как образ египетских мамлюков, можно сделать вывод, что леопард на этой «звериной» карте соседей, терзающих Армению, выбран венецианским автором для Египта из стремления подчеркнуть однозначно враждебное отношение к султану и более низкий, с его точки зрения, символический статус султаната Египта по сравнению с государством Хулагуидов.

Британский исследователь П. Лок отмечает, что венецианский автор, хотя и был весьма начитан, ни разу не ссылаясь на своего соотечественника Марко Поло [28, с. 8]. Основным источником для «армянских» сюжетов и истории монгольских завоеваний в трактате, включающей некоторые баснословные подробности, стало сочинение «мужественного властителя Армении» [29, с. 26], принца Хетума (Гайтона) «Цветник историй земель Востока». Автор, яркий представитель латинофильского крыла хетумидского двора, член киликийского царствующего дома, вступил в орден премонстранцев и посвятил свой трактат папе Клименту V в 1307 г [2, с. 213–214]. Принц Хетум также известен под именем Хетум Патмич, т.е. «Хетум Историк» [3]. Хетум подробно описал визит своего дяди, царя Хетума I (1226–1270), в Каракорум в 1254 г [2, с. 262–265].

Текст Санудо испытал значительное влияние со стороны армянского интеллектуала, чьей компетентности в восточных делах венецианец, несомненно, доверял. В частности, именно к Хетуму в сочинении Санудо восходят явно преувеличенные представления о распространении христианства на Востоке. Христианами и у Хетума, и у Санудо предстали монгольские ханы Мункэ (Манго) и Хубилай [29, с. 236].

Санудо включил в «Книгу тайн верных креста» пересказ истории Хетума о принятии ханом Мункэ христианства по просьбе Хетума I во время его поездки в Каракорум. Царь Хетум, засвидетельствовав свое почтение хану, обратился к Мункэ с семью прошениями [2, с. 264; 29, с. 236]. Во-первых, хан вместе со своим народом должен был, «оставив секты, исполненные суеверий, принять веру Христову и креститься» [2, с. 263; 29, с. 236]. Во-вторых, между христианами и татарами устанавливался «вечный мир» («рах регретиа»); в-третьих, христианскому духовенству гарантировалась свобода от какого-либо порабощения и обложения данью; в-четвертых, хан посылал помощь христианам для освобождения Святой Земли от сарацин; в-пятых, силами «татар, занявших Турцию» хан обрушивался на Багдад и расправлялся с халифом; в-шестых, царю гарантировалась поддержка всех татарских владений, лежащих рядом с Арменией; в-седьмых, все армянские земли, занятые турками или татарами, должны были вернуться под власть армянской короны [29, с. 236]. Хан, если верить Хетуму и Марино Санудо, согласился на эти требования и крестился, правда, сказал, что не станет никого обращать насильственно [29, с. 237]. В данном рассказе победоносный поход войска Хулагу на Багдадский халифат в 1258 г., в ходе которого халиф аль-Мустасим действительно был убит завоевателями, предстал реализацией плана царя Хетума. Пожалуй, некорректно именовать договором между ханом и армянским царем вслед за А. Г. Галстяном [3, с. 68] этот достаточно сомнительный перечень декларативных прошений ханского данника и декларативных же обещаний Мункэ их удовлетворить.

В армянской традиции прослеживалось несколько синхронных моделей восприятия Монгольской империи. В летописи, приписываемой Смбату Спарпету, который приходился братом царю Хетуму и дядей историку Хетуму, о крещении Мункэ (Мангу) в связи с визитом Хетума ничего не упоминалось, сообщалось лишь, что «хан Мангу <...> принял царя Хетума радушно и предоставил ему все, что тот просил» [17, с. 106]. Однако в 1247 г., тот же Смбат буквально

по дороге миссии в Каракорум к хану Гуюку, в письме королю Кипра Генриху I Лузиньяну (1218–1253) писал, что хан и его сановники якобы «совсем недавно стали христианами» [11, с. 67] под влиянием покоренного монголами христианского населения страны «Гасрат и Гагнат, <...> откуда вышли три царя, чтобы приветствовать Иисуса Христа» [11, с. 66]. В 1250 г. Смбат вернулся в Армению с ханской грамотой, гарантирующей целостность армянских земель от внешних посягательств, и обещанием монголов оказать поддержку Киликии в деле возвращения крепостей, отторгнутых Румским султанатом. В пересказе Марино Санудо повествования Хетума Смбат фигурирует как Гинибальд (Ginibaldus) [29, 236]. Киликийская Армения остро нуждалась в военном союзнике против соседних мусульманских государств. На первых порах союз с ханом объективно отвечал политическим интересам Армении. То же самое можно сказать и о крестоносном движении высокого Средневековья. Распространение в Европе (как Смбатом, так и позже Хетумом) завышенных оценок численности и сил восточных христианах имело явную политическую цель. Принц Хетум сообщал впоследствии, что для составления своего труда пользовался текстами своего «почтенного дяди». Как справедливо предположил А. Г. Галстян, этим дядей, скорее всего, и был Смбат [3, с. 70]. Таким образом, из Армении на Запад выстраивалась определенная дискурсивная цепочка представлений и образов: от Смбата к Хетуму, от Хетума к Марино Санудо.

Другой армянский историк Киракос Гандзакечи (ок. 1200–1271) в «Истории Армении» также не писал о крещении хана и, в целом, воспринимал монголов как сильных и жестоких неприятелей, горячо желая потомкам избавиться от их гнета [5, с. 172–174]. Однако и Киракос не избегал упоминания о христианах среди монголов (в частности, о христианке Докуз-хатун, супруге Хулагу, сжалившейся в 1258 г. над багдадскими несторианами [5, с. 230]) и общей веротерпимости ряда вельмож империи, но, в отличие от Смбата и Хетума, не старался преувеличить степень распространения христианства. По свидетельству Киракоса, в 1247 г. военачальник Анагурак активно покровительствовал монастырю у гробницы св. Фаддея, долгое время заброшенной, превратив его в крупный паломнический центр, причем многие татары «приходили туда и крестили сыновей и дочерей своих, и множество одержимых и хворых были исцелены» [5, с. 193]. Киракос писал, что хан Мункэ в 1254 г. пожаловал Хетуму ярлык, гарантировавший защиту его царству, и подтвердил освобождение церквей от уплаты податей [5, с. 225]. Киракос, сдержанный в оценках союза с монголами и превозносящий Хетума более за благочестие, чем за что-либо иное, сообщив о стандартных для великих ханов действиях по отношению к правителям-данникам, здесь, очевидно, более достоверен, нежели Хетум.

Рассказав в подробностях историю о крещении Мункэ, энтузиасты крестоносного движения армянский принц-интеллектуал Хетум, а вслед за ним и Марино Санудо Торселло, очевидно, выдавали желаемое за действительное. Однако этот сюжет, легендарный, но обнадеживающий в условиях постоянного внешнего давления на армянское государство, оказался востребован современниками. В данной истории особенно показательна чрезвычайно оптимистичная для европей-

ского читателя (прелата и сановника) «обратная конспирология» – объяснение ряда действий монгольского хана, в частности, победоносного похода на Багдад в 1258 г., инициативой куда менее могущественного христианского монарха. Такой нарратив предлагал сценарий контроля над иной культурной реальностью через установление личных связей с восточными государями (и последующую манипуляцию ими). Не исключено, что как раз этот рассказ о мнимом обращении в христианскую веру могущественного монгольского хана силами смиренного армянского царя послужил одним из многих источников вдохновения для ряда утопических проектов по обращению османского султана Мехмеда II в христианство, включая послания султану, написанные критским гуманистом и энтузиастом «венетического мифа» Георгием Трапезундским (1392–1472/73). Армения в венетическом дискурсе первой четверти XIV в. не только была объектом описания и конструируемый образом, но также присутствовала через определенную ветвь армянской интеллектуальной традиции.

Санудо не мог обойти и религиозный аспект армянской жизни, посвятив главу своего труда нравам армян. Марино Санудо приписывал армянам и грекам непримиримую взаимную ненависть [29, с. 183]. Объектом его критики среди обрядов армянской церкви стали употребление несмешанного вина при евхаристии и празднование Рождества и Богоявления в один и тот же день [29, с. 183]. По словам венецианца, армяне «обещали повиноваться Верховному Понтифику и Святой Римской церкви именно тогда, когда их царь [Левон II – Д. В.] получил землю от римского императора Генриха, а царскую корону – от архиепископа Майнцского. Однако они не желают изменять старые обряды и празднества» [29, с. 184]. Все же религиозная инаковость армян обрисована в труде венецианца не столь резко, как в случае с христианами Нубии, которых Санудо, как и армян, считал важными участниками предполагаемого всехристианского союза против мамлюков. Так, согласно его описанию, «многие из них [нубийцев – Д. В.] допускают ошибку, на лбу своих младенцев еще до крещения нанося метки раскаленным железом, а некоторые выжигают на них знак креста» [29, с. 185]. Санудо связывал [29, с. 185] этот обряд с буквальным толкованием слов Иоанна Крестителя: «Он будет крестить вас Духом Святым и огнем» (Мф. 3:11).

С дальнейшим смещением коммерческих интересов венецианцев в сторону торговли с мамлюками и упадком Армянского царства интерес венецианских авторов к описанию этого государства снизился. Автор анонимной «Хроники Энрико Дандоло» (сер. XIV в., доведена до 1362 г.) писал об Армении достаточно скупно. В хронике упоминалась ожесточенная битва венецианцев и генуэзцев у берегов Армении, в которой пал венецианский капитан Марко Баседжо, правда, автор поместил ее под 1290 г. [20, с. 106–107], тогда как в действительности это сражение у Айяса произошло в 1294 г. [23, с. 65]. «В год 1303, – сообщалось в другом месте хроники, – пришло известие о том, что султан Вавилонии потерпел поражение от короля Армении на равнине близ Дамаска, на которой пало сто тысяч сарацин» [20, с. 112]. Впоследствии то же самое утверждение о столь грандиозном сражении повторял венецианский патриций и хронист первой половины XV в. Антонио Морозини, добавив, что по сему поводу «случилась в Венеции великая радость» [19, с. 49].

В этом кратком свидетельстве примечательно не только фантастическое преувеличение потерь противника христианского войска. В частности, проблематична идентификация указанного сражения. Ильхан Ирана Газан-хан (1295–1304), активно воевавший с бахритами, действительно, наголову разбил египетское войско мамлюков при поддержке Хетума II в конце 1299 г. в районе Хомса [15, с. 387–388]. После этого ильхан отправил посла к кипрскому королю Генриху II Лузиньяну с предложением об альянсе, правда, это ответа на это предложение не последовало, поскольку короля не поддерживали тамплиеры и госпитальеры [с. 94]. Если же речь шла о сражении 1303 г., то здесь битва при Мардж ас-Суффаре под Дамаском, имевшая место в апреле 1303 г. [15, с. 394], представлена как кровопролитное сражение между мамлюкским султаном и армянским королем, хотя в действительности, во-первых, ильханские войска потерпели в ней поражение, а, во-вторых, Армения выступала в этой войне вовсе не основным актором, а союзником ильхана Газан-хана. Во-видимому, в приведенных пассажах из венецианских хроник события 1299 г. и 1303 г. оказались перепутаны.

В хронике канцлера Кандии Лоренцо де Моначи (1351–1428), написанной в 1420-е гг., уже значительно позже захвата столицы Киликийской Армении Сиса мамлюками и гибели последнего независимого армянского государства Средних веков в 1375 г., Армения не занимала сколько-нибудь существенного места. Она упоминалась вновь как место борьбы между морскими республиками, в основном в связи с «тяжелейшей войной», вспыхнувшей между Венецианской и Генуэзской республиками в период догата Пьетро Градениго [25, с. 200–201]. Порт Айяс был окончательно закреплен за египетским султаном в 1337 г. [22, с. 162]. Тогда же Левон V уступил мамлюкам все территорию до реки Джейхан [9, с. 457]. Грек-киприот, чиновник и дипломат королевства Лузиньянов первой половины XV в. Леонтий Махера, повествуя в своей «Повести о сладкой земле Кипр» о походе короля Кипра Петра I в 1367 г. на Айяс, вкратце упоминал эти события истории порта: «Здесь находились турки Армении, но сарацины захватили его» [7, с. 220].

Киликийская Армения, пожалуй, являлась наиболее вестернизированной и, в свою очередь, знакомой латинянам страной христианского Востока. Венецианский интеллектуал Санудо, через посредничество армянского латинофильского круга в папском Авиньоне сумевший обратиться к собственно армянской историографической традиции, по всей видимости, действительно хорошо знал Армению, ее географические и хозяйственные особенности. В целом, в конструировании образа Киликийской Армении у венецианцев особенно прослеживается влияние их торговых и геополитических интересов. Отчасти благодаря этой подоплеке портретирование Киликийской Армении, было тщательно фундировано вполне достоверной географической информацией. Сухие цифры здесь переплетены с яркой символикой. Марино Санудо, продвигая свой план крестового похода, в отношении Армении, о которой венецианские купцы и дипломаты были хорошо осведомлены, старался делать больший акцент на общности христианского мира, почти полностью нивелируя конфессиональную инаковость армян в письме Филиппу V. Подчеркивая важность Армении в средиземноморской торговле и необходимость обеспечить ее безопасность, Санудо, очевидно, пытался убедить своих адреса-

тов – и папу, и французского короля, – в религиозной надежности Киликийской Армении для католической церкви. При всем этом, прагматизм не изменял опытному дипломату: рисуя патетические картины угрозы небольшому христианскому царству, окруженному куда более крупными «хищниками», Санудо, вероятно, понимал всю уязвимость и – в перспективе – обреченность этого государства, поэтому и рассматривал несколько весьма различных вариантов закрепления Венеции на торговых путях в Индии. У венецианских авторов, писавших после Марино Санудо, Армения занимала явно периферийное положение, и ее территория воспринималась ими почти исключительно в контексте венецианско-генуэзского соперничества.

Однако примечательно, что именно Венецианская республика, во многом определявшая европейский дискурс о Востоке XIV–XV вв., впоследствии стала колыбелью армянского культурного подъема в период раннего Нового времени: первая армянская печатная книга была издана в Венеции в 1512 г., а в XVIII столетии монастырь Сан-Ладзаро превратился в один из наиболее блистательных центров армянской учености.

Литература

1. *Близнюк С. В.* Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв. М. : Academia, 2016. 832 с.
2. *Гайтон.* Цветник историй земель Востока // Книга странствий / Пер. и предисл. Н. С. Горелова СПб. : Азбука-классика, 2006. С. 212–274.
3. *Гетум Патмич.* Цветник историй стран Востока. Текст договора, заключенного между Мункэ-ханом и царем Гетумом // Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII–XIV вв. / Пер.: А. Г. Галстян. М. : Изд-во восточной литературы, 1962. С. 68–71.
4. *Жаворонков П. И.* Из истории никейско-килийских отношений в первой половине XIII в. // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1999. Вып. 30. С. 209–215.
5. *Киракос Гандзакечи.* История Армении / Пер. Л. А. Ханлярян. М. : Наука, 1976. 360 с.
6. *Книга Марко Поло* / Пер. со старофранц. И. П. Минаева; предисл. В. В. Бартольда. М. : Книговек, 2012. 400 с.
7. *Леонтий Махера.* Повесть о сладкой земле Кипр // Близнюк С. В. / Пер. и коммент. С. В. Близнюк. Короли Кипра в эпоху крестовых походов. СПб. : Алетейя, 2014. С. 132–250.
8. *Манандян Я. А.* О торговле и городах Армении. Эривань : Гос. издательство, 1930. 240 с.
9. *Микаелян Г. Г.* История Киликийского армянского государства. Ереван : Издательство АН Армянской ССР, 1952. 555 с.
10. *Пастуро М.* Символическая история европейского средневековья / Пер. с франц. Е. Решетниковой. СПб. : Александрия, 2012. 448 с.
11. *Смбат Спарамет.* Письмо Смбата Спарамета из Самарканда кипрскому королю Генри Лузиньяну (1247) // Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII–XIV вв. / Пер.: А. Г. Галстян. М. : Изд-во восточной литературы, 1962. С. 65–67.
12. *Соколов Н. П.* Торговые взаимоотношения Венеции и Киликийской Армении в XII–XIV вв. // Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1973. Вып. 1. С. 5–24.
13. *Bedoukian P. Z.* Coinage of Cilician Armenia. N. Y. : American Numismatic Society, 1962. XXXI, 494 p.
14. *Cambridge History of Egypt. Vol. 1: Islamic Egypt, 640-1517* / Ed. by C. Petry. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. XIV, 463 p.
15. *Cambridge History of Iran: in 7 vol. Vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods* / Ed. by J. A. Boyle. Cambridge : Cambridge University Press, 1968. X, 709 p.
16. *Christie N.* Muslims and Crusaders. Christianity's Wars in the Middle East, 1095–1382, from the Islamic Sources. L.; N. Y.: Routledge, 2014. XLVII, 246 p.
17. *La chronique attribuée au connétable Smbat* / Introduction, traduction et notes par Gérard Dédéyan. Paris : Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1980. 139 p.

18. Clermont-Ganneau C. Archaeological Researches in Palestine during the Years 1873–1874. Vol. II. L. : Palestine Exploration Fund, 1896. X, 504 p.
19. Il Codice Morosini. Il mondo visto da Venezia (1094–1433) / Edizione critica, introduzione, indice e altri apparati di A. Nanetti. Spoleto : Fondazione centro italiano di studi sull'alto medioevo, 2010. T. 1. LXII, 530 p.
20. Cronaca di Venexia detta di Enrico Dandolo (origini–1362) / A cura di R. Pesce. Venezia: Centro di studi medievali e rinascimentali “E. A. Cicogna”, 2010. LIII, 185 p.
21. Diplomatarium Veneto-Levanticum / Ed. C. M. Thomas. Venetiis : Sumptibus societatis, 1880. Vol. 1. XXVI, 356 p.
22. Hild F., Hellenkemper H. Tabula Imperii Byzantini. Bd. 5: Kilikien und Isaurien. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1990. T. 1. 466 S.
23. Kretschmayr H. Geschichte von Venedig. Bd. 2. Gotha : Perthes, 1920. XIX, 701 S.
24. Langlois V. Le Trésor des Chartes d'Arménie ou cartulaire de la Chancellerie royale des Ropeniens. Venise; Paris : Typographie arménienne de Saint-Lazare, 1863. 242 p.
25. Laurentii de Monacis. Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetis ab U. C. ad annum MCCCLIV: sive ad conjurationem ducis Faledro. Venetiis : Ex typ. Redmondiniana, 1758. XLVIII, 368 p.
26. New Cambridge Medieval History. Vol. VI: c. 1300 – c. 1415 / Ed. by M. Johnson. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. XXIII, 1076 p.
27. Pegolotti Francesco Balducci. La Pratica della mercatura / Ed. by A. Evans. Cambridge : The Medieval Academy of America, 1936. LIV, 444 p.
28. Sanudo Torsello Marino. The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross / Translated by P. Lock. Farnham: Ashgate, 2011. 475 p.
29. Sanuti Torselli Marini. Liber secretorum fidelium crucis / Ed. Bongarius. Hannover : Typis Wechelians, apud Claudium Marnium, & heredes Joannis Aubrii, 1611. 282 p.

References

- Armiānskie istochniki o mongolakh. Izvlechenie iz rukopisei XIII–XIV vv. Perevod: A. G. Galstian.* [Armenian Sources about the Mongols. Exstractions from the Manuscripts of the 13th-14th Centuries. Translated by A. G. Galstian]. (1962). 156 p. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury.
- Bedoukian, P. Z. (1962). *Coinage of Cilician Armenia*. XXXI, 494 p. New York, American Numismatic Society.
- Bliznyuk, S. V. (2016). *Korolevstvo Kipr i ital'ianskie morskije respubliki v XIII–XV vv.* [The Kingdom of Cyprus and the Italian Maritime Republics from the Thirteenth to the Fifteenth Century]. 832 p. Moscow, Academia.
- Blizniuk, S. V. (2014). *Koroli Kipra v epokhu krestovyykh pokhodov.* [Kings of Cyprus at the Age of Crusades]. 280 p. Saint-Petersburg, Aleteiia.
- Petry, C. (Ed.). (1998). *Cambridge History of Egypt. Vol. 1: Islamic Egypt, 640-1517*. XIV, 463 p. Cambridge, Cambridge University Press.
- Boyle, J. A. (Ed.). (1968). *Cambridge History of Iran: in 7 vol. Vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods*. X, 709 p. Cambridge, Cambridge University Press.
- Clermont-Ganneau, C. (1896). *Archaeological Researches in Palestine during the Years 1873–1874. Vol. II. X*, 504 p. London, Palestine Exploration Fund.
- Christie, N. (2014). Muslims and Crusaders. Christianity's Wars in the Middle East, 1095–1382, from the Islamic Sources. XLVII, 246 p. London; New York, Routledge.
- Gorelov, N. S. (Ed.). (2006). *Kniga stranstvii* [The Book of Travels]. 320 p. Saint-Petersburg, Azbukaklassika.
- Hild, F., Hellenkemper, H. (1990). *Tabula Imperii Byzantini. Bd. 5: Kilikien und Isaurien.* [Tabula Imperii Byzantini. Vol. 5: Cilicia and Isauria]. T. 1. 466 p. Vienna, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Johnson, M. (Ed.). (2000). *New Cambridge Medieval History. Vol. VI: c. 1300 – c. 1415*. XXIII, 1076 p. Cambridge, Cambridge University Press.
- Kirakos Gandzaketsi. (1976). *Istoriia Armenii* [History of Armenia]. 360 p. Moscow, Nauka.
- Kniga Marco Polo* [The Book of Marco Polo]. (2012). 400 p. Moscow, Knigovok.
- Kretschmayr, H. (1920). *Geschichte von Venedig. Bd. 2.* [History of Venice. Vol. 2]. XIX, 701 p. Gotha, Perthes.

La chronique attribuée au connétable Smbat. Introduction, traduction et notes par Gérard Dédéyan. [The Chronicle attributed to Smbat the Constable. Introduction, Translation and Notes by Gérard Dédéyan]. (1980). 139 p. Paris, Librairie Orientaliste Paul Geuthner.

Langlois, V. (1863). *Le Trésor des Chartes d'Arménie ou cartulaire de la Chancellerie royale des Ropeniens* [The Treasury of the Charters of Armenia or Cartulary of the Royal Chancellery of the Rubenids]. 242 p. Venice; Paris, Typographie arménienne de Saint-Lazare.

Monacis, Laurentii de (1758). *Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetis ab U. C. ad annum MCCCLIV: sive ad conjurationem ducis Faledro.* [The Chronicle of the Venetian Affairs from the Foundation of the City till the Conspiracy of the Doge Faliero, Written by the Venetian Chancellor of Crete]. XLVIII, 368 p. Venetiis, Ex typ. Redmondiniana, 1758.

Manandian, Ia. A. (1930). *O torgovle i gorodakh Armenii* [On Trade and Cities of Armenia]. 240 p. Erivan': Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Mikaelian, G. G. (1952). *Istoriia Kilikiiskogo armianskogo gosudarstva* [History of the Cilician Armenian State]. 555 p. Yerevan, Izdatel'stvo AN Armianskoi SSR.

Nanetti, A. (Ed.). (2010). *Il Codice Morosini. Il mondo visto da Venezia (1094–1433). T. I.* [The Morosini Codex. The World as Seen from Venice (1094–1433). Vol. 1.]. LXII, 530 p. Spoleto, Fondazione centro italiano di studi sull'alto medioevo.

Pastoureau, M. (2012). *Simvolicheskaia istoriia evropeiskogo srednevekov'ia* [Symbolic History of the European Middle Ages]. 448 p. Saint-Petersburg, Aleksandriia.

Pegolotti, Francesco Balducci. (1936). *La Pratica della mercatura.* [The Practice of the Trade]. LIV, 444 p. Cambridge, The Medieval Academy of America.

Pesce, R. (Ed.). (2010). *Cronaca di Venexia detta di Enrico Dandolo (origini – 1362)* [The Chronicle of Venice Named after Enrico Dandolo (from the Origins to 1362)]. LIII, 185 p. Venice, Centro di studi medievali e rinascimentali "E. A. Cicogna".

Sanudo Torsello, Marino. (2011). *The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross. Translated by P. Lock.* 475 p. Farnham, Ashgate.

Sanuti Torselli, Marini (1611). *Liber secretorum fidelium crucis.* [The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross]. 282 p. Hannover, Typis Wechelians, apud Claudium Marnium, & heredes Joannis Aubrii.

Sokolov, N. P. (1973). *Torgovye vzaimootnosheniia Venetsii i Kilikiiskoi Armenii v XII–XIV vv.* [Trade Connections Between Venice and Cilician Armenia, 12th–14th Centuries]. In *Strany Sredizemnomor'ia v epokhu feodalizma*, Iss. 1, pp. 5–24.

Thomas, C. M. (Ed.). (1880). *Diplomatarium Veneto-Levantinum. Vol. 1.* XXVI, 356 p. Venice, Sumptibus societatis.

Zhavoronkov, P. I. (1999). *Iz istorii nikeisko-kilikiiskikh otnoshenii v pervoi polovine XIII v.* [From the History of the Nicaean-Cilician Relations in the First Half of the 13th Century]. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Iss. 30, pp. 209–215.

The article was submitted on 28.04.2017